

Утопическое воображение и когнитивный стиль (на материале «Утопии» Томаса Мора)

А. Ю. Долгих¹, А. С. Тимшин²

¹кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, социологии и философии,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: regis-iii@rambler.ru

²магистрант, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: notuiaz@gmail.com

Аннотация. Утопизм, возможно, существует столько же, сколько человеческий род. Произведения с более или менее отчетливым утопическим содержанием известны со времен Древней Греции (IV век до н. э.). В фазу расцвета жанр вошел после «Утопии» (1516 г.) британского государственного деятеля (лорд-канцлер) Томаса Мора. При этом произошло разделение данного литературного направления на две ветви: художественные утопии с сюжетом и вымышленными персонажами и утопии в виде трактатов или политических и экономических программ. Главная часть статьи посвящена анализу когнитивного стиля утопии через призму социологии знания Карла Мангейма и феноменологии Альфреда Шюца. Основные черты утопического когнитивного стиля, обозначенные как особые коды, суть рационализм, универсализм, трансцендентность и критицизм. Рационализм в данном случае означает преобразование общественной жизни на основе только разума и устранение из нее неупорядоченности и произвола, свойственных естественному существованию. Универсализм утопии – в том, что она не привязана ни к какому конкретному реальному пространству и времени, но мыслится как некий социальный рецепт на все времена. Последние две черты – критицизм и трансцендентность тесно связаны друг с другом. Критицизм есть скептический настрой по отношению к наличной действительности (а также к прошлому опыту человечества), а трансцендентность подразумевает выход за ее пределы. Все перечисленные черты с очевидностью проявились уже в первой классической утопии Томаса Мора, хорошо заметны они и в утопиях последующего времени.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, рационализм, универсализм, критицизм, трансцендентность.

Уже довольно давно понятие «утопия» из имени собственного превратилось в имя нарицательное; оно многозначно, имеет множество различных смысловых оттенков и коннотаций. Попытки проследить историю данного термина неизбежно приводят к единственному художественному произведению крупного британского государственного деятеля Томаса Мора (1578–1535).

Мор сделал явным существование жанра, который, с определенной точки зрения, появился задолго до него. Если определять утопию в самом общем смысле как постановку высокой общественной цели, как разработку социального идеала, противопоставленного несовершенной объективной действительности, то следует признать: утопии существовали и раньше. «Воспитание Кира» Ксенофонта, «Государство» Платона, программы общественных преобразований киников и стоиков – вот, вероятно, наиболее ранние примеры относительно осознанного утопического мышления, которые нам сейчас известны [10; 14; 2, с. 60–83, 165–170; 17, с. 96–105]. Нередко выделяют еще, если так можно выразиться, безотчетный утопизм, зачастую замешанный на религии: мифы о золотом веке [6, с. 53] и пифагорейском союзе [20] у эллинов, мифы об эпохе Святого Духа и о тысячелетнем царстве Христа у эллинистов и германцев [9, с. 54–57, 257–260] и тому подобное.

Древность отмечена даже попытками воплощения такого рода замыслов в жизнь. Так, например, есть сведения, что Платон просил у правителя Сиракуз Дионисия Младшего выделить ему часть владений как раз для обустройства своего Каллиполиса («прекрасного города»). Но это начинание, насколько известно, последствий не имело [8, с. 142]. Несколько больший успех выпал на долю некоего Алексарха, сына могущественного Антипатра (один из полководцев Александра, царя Македонии): соответствующий город, названный им Уранополис, с длиной окружности почти ровно тридцать стадиев (5,0–5,5 км), был построен в Халкидике, на горе Афон. Известно, что Алексарх начал чеканить собственную монету и даже провел что-то вроде лингвистической реформы, создав новый язык на основе греческого. По непонятным причинам Уранополис Алексарха быстро пришел в упадок [3, т. 1, с. 135; 15, с. 308;

14]. В новейшее время (уже после Томаса Мора) по стопам Платона и Алексарха пошел Роберт Оуэн, создавший маленькие «островки утопии» сначала в Нью-Ленарке (Британия), а затем в штате Индиана (США) [16, с. 304–306]. Оба эксперимента оказались крайне ограниченными в пространстве и времени. Впрочем, в известном смысле самая масштабная попытка осуществления утопической идеи имела место в России в XX веке.

Возвращаясь к Томасу Морю, скажем, что именно его творение вызвало к жизни мощное литературное движение. До Мора утопизм был, во-первых, как уже говорилось, в основном неосознанный, а во-вторых, эпизодический, тогда как с XVII века книги такого рода появляются уже одна за другой. Произошло, в частности, разделение двух ветвей внутри утопической мысли – чисто художественный утопизм (воплощающийся в произведениях с вымышленными персонажами и более или менее занимательным сюжетом) и утопизм если не научный, то, по крайней мере, наукообразный. Соответствующие сочинения имеют форму либо трактатов, либо политических программ.

Первая линия представлена такими известными книгами, как «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы (1623 г.), «Новая Атлантида» Френсиса Бэкона (1627 г.), «Иной свет» Эркюля Савиньена Сирано де Бержерака (1657, 1662 гг.), «Год 2440» Луи-Себастьяна Мерсье (1771 г.), «Путешествие в Икарию» Этьена Каабе (1838 г.), «Люди как боги» Герберта Уэллса (1923 г.), «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова (1957–1958 г.) и многими другими.

Второе направление – это, например, «Кодекс природы» Этьена-Габриэля Морелли (1755 г.), «Новое христианство» Анри де Сен-Симона (1825 г.), «Новый хозяйственный и социетарный мир» Шарля Фурье (1828–1829 г.), «Книга о новом нравственном мире» Роберта Оуэна (1842–1844 гг.) и другие.

Последние большие утопии появились в 60-е годы XX века в Советской России: «Полдень. XXII век» (1962, 1967 гг.) Аркадия и Бориса Стругацких, «Мы – из Солнечной системы» (1965 г.) Георгия Гуревича, «Галактическая разведка» (1966 г.) Сергея Снегова. После этого жанр вошел в фазу очередного (вероятно, временного) упадка. Однако, как значимое интеллектуальное явление, утопизм по-прежнему привлекает внимание. Одно из доказательств – недавняя II Всероссийская научная конференция «Утопические проекты в истории культуры» на тему «“Город Солнца”: в поисках идеального локуса» (2018 г.).

Первоначальный фундаментальный исследовательский интерес к понятию утопического в социальной теории закрепился благодаря работам венгерского социолога Карла Мангейма, основоположника социологии знания. В 1929 году выходит его трактат «Идеология и утопия», где он тщательно разбирает и описывает сущностные свойства каждого из заглавных понятий и их отношение друг к другу [11, с. 52–95]. Мы заострим свое внимание именно на утопии как на наблюдаемом феномене, возникающем в действительности.

Интересным для нас станет рассмотрение существующих утопических проектов через определение когнитивного стиля. В социальной философии это понятие оформилось благодаря феноменологу Альфреду Шюцу, разработавшему концепцию феноменологической социологии знания. Когнитивный стиль – это форма вовлеченности в представленную действующему индивиду область опыта в мире, это возможность совершать в ней определенные действия и, соответственно, обозначение невозможности совершать всякие прочие. Жизненный мир (т. е. мир повседневного взаимодействия) в теории Шюца переживается всеми субъективно. У когнитивного стиля есть ряд сущностных характеристик, которые Шюц объясняет подробно. Это особенности восприятия конкретного вовлеченного сознания, его «внимание к жизни»; особое «эпохэ» – «остановка», то есть отказ от выхода за пределы чувственного опыта, категориальное деление на несомненное и на то, в чем следует сомневаться; форма телесной активности действующего лица; личностная вовлеченность определенных действий индивида, его (со)участие в области смысла; модус социального взаимодействия, т. е. протекание интеракции между субъектами; наконец, темпоральный модус, или субъективное переживание времени [19, с. 424–425].

Для чего нам требуется рассмотрение когнитивного стиля как центрального понятия? Мы можем определить его как способность исследователя что-либо объяснять с помощью ограниченного набора факторов, укорененных в языке описания, а не в самом объясняемом мире. Иными словами, это стиль объяснения, который не зависит от объясняемых вещей. Он позволяет различать и обрабатывать те данные, которые доступны нашему наблюдению.

Рассмотрим возможную связь утопического с социологическим воображением. Например, Чарльз Райт Миллс в одноименной работе определяет последнее как некий сводный

термин, вокруг которого он выстраивает свою аргументацию, отстаивая его возможное применение к такому типу личности, которая способна видеть свою обусловленность социальным. Такое продуктивное воображение помогает различать методологические перспективы при адекватном построении представления об обществе и его членах, переходить от одной перспективы к другой, «понимая» их [12, с. 240]. Он обосновывает подобный вид воображения через сравнение его с другими видами (политическим, антропологическим и т. д.). Таким образом, можно сказать, что утопическое может быть проинтерпретировано социальным ученым в его собственных категориях как особый вид сознательной деятельности, которая не сводится к иным формам социального планирования в широком смысле.

Основные социологические понятия в целом вполне могут рассматриваться как утопические. Вебер понимает утопию как метафору разработанного им понятия «идеального типа». Всякий работающий социологический концепт утопичен настолько, насколько он позволяет увидеть значимые элементы действительности путем создания «недействительного» концептуального образа, не наделенного онтологическим статусом. Если рассуждать подобным образом, утопичность всякой подобной концептуализации будет налицо. Здесь утопия – это часть осознанного, целенаправленного наблюдения [4, с. 14–15].

Следует оговориться: сама утопия в строгом значении слова не является когнитивным стилем как таковым. Утописта делает утопистом его воображение, и рассматривать мы собираемся именно утопическое воображение. Кроме того, мышление людей тесно переплетается с их воображением (как два процесса сознательной деятельности), и категорическое различие этих двух понятий мы пока заключим в скобки. К мышлению в рамках утопизма применимы вышеизложенные характеристики, предложенные социальными феноменологами, – здесь с уверенностью можно заключить, что они носят универсальный характер для любого сознания. Но можно следовать и иным трактовкам рассматриваемых базовых понятий. Например, как уже говорилось, утопия может быть рассмотрена через понятие идеального типа Макса Вебера (как своего рода мысленное усиление элементов действительности; это такая идеализация, которая формирует этот конкретный тип для отражения его ценности) [5, с. 389]. Или через понятие повседневной типизации у Шюца – как упорядоченное доверительное отношение к самому понятию, исходя из наличного запаса знания человека о его истинном содержании [1, с. 86–90], – тут налицо его конструктивность, возможность точного рассмотрения в том или ином ключе на предлагаемом языке социальной теории. Далее мы рассмотрим, как утопическое воображение конституируют его основные коды.

Следует добавить, что поджанром утопии является антиутопия. Иными словами, она тоже утопия, но только второго порядка. Это означает, что мы можем включать ее во множество утопий как подмножество. Чтобы создать антиутопию, с необходимостью требуется утопическое воображение и мышление. Ее ярким свойством является то, что она эксплицитно глобальна: части гетерогенных миров, существующих в ней по собственным уникальным законам, соединены воедино. Но утопии нет места на карте антиутопии, а рассматриваем мы здесь именно понятие первого порядка.

Шюц понимал мир повседневности как мир нерелексивных рабочих операций. Способности человека к воображению, или фантазии (как и к социальному проектированию), противостояли бы его повседневным делам, так как они непременно рефлексивны. Но, если представить, что подобные когнитивные конструкции могут быть обнаружены в повседневной коммуникации, можно попытаться рассмотреть, из чего проистекает мышление утописта. В связи со становлением и все продолжающимся укреплением «обществ знания» и роли знания в жизни каждого нашего современника [18, с. 31–32], можно сказать, что мы порой сталкиваемся с людьми, мыслящими вполне неповседневно. Их когнитивный стиль отличен от «здравого смысла» – когнитивного стиля естественной установки [1, с. 83–86]. Знание пронизывает мир, завязанный на современных технологиях и быстрой коммуникации, оно приводит мир в движение, обнаруживает возможные в нем действия. Потенциал (социальных) действий людей напрямую зависит от объема их знания. Иными словами, не только утопическое, но и иные выделяемые виды мышления не полностью подчиняются здравому смыслу и, протекая в повседневности, выходят тем самым за пределы ее контекста. Черты когнитивного стиля утописта можно обозначать как коды утопического воображения [4, с. 22–28]. Можно рассмотреть наиболее характерные и непреложные из них.

Первый код такого воображения – это рационализм. С одной стороны, утопический проект всегда организован в связи с требованиями «самого Разума». Все неприглядное, урод-

ливое и несовершенное должно быть ликвидировано и вместо него должен быть воплощен некий будущий идеал. С другой стороны, эта рациональность имеет определенные границы, поскольку утопист доверяет воображению больше опыта. Далее, образ будущего если не придумывается весь целиком, то всегда додумывается: извлечь его из хаоса имеющихся культурных практик до конца нельзя. Необходима концептуальная проработка на основании действительных фактов [4, с. 22].

Вторым кодом воображения утописта является универсализм. Утопия внелокальна – в том смысле, что она может наличествовать (артикулироваться), но не существовать в действительности. Удаленное локальное место в пространстве (или времени) у утопии есть, но именно конкретных реалистических мест существования для нее нет (порой используются лишь реальные прообразы). Пространство идеального мира утопистов характеризуется основным рядом параметров (его неприступность, упорядоченность, неподверженность дурным влияниям, особые природные условия и т. д.). Наиболее важно лишь определение границы между прекрасным «здесь» и дурным «там», между своим и чужим, внутренним и внешним. В утопии можно обнаружить и завуалированную глобальность – в виде аксиоматики всемогущего и всепроникающего тотального понятия. Этим понятием может быть закон разума или же естественный закон – на него и опирается мышление утописта, его вера в силу предлагаемых изменений [4, с. 23–24].

Третий код – это трансцендентность: мы способны совершать операцию выхода за пределы наличного бытия. Утопическое сознание не находится в соответствии с окружающим бытием – таков известный тезис Мангейма [11, с. 113–115]. Действовать в согласии с планами утописта невозможно при данном общественном порядке без его преобразования – попросту в силу понятийных свойств утопии. Представлениям, обитающим в головах, которым доверена роль преобразователей наличного миропорядка, необходим «нереальный», неимманентный характер. Говоря в терминах Шюца, можно сказать, что утопия не является повседневной и, чтобы выйти из области значений повседневного, действующим субъектам необходимо трансцендировать. Трансцендирование напрямую связано со смыслом и смыслополаганием, проекция смысла разрушает наличный порядок повседневного. Так формируется автономность утопического, затем оно может проецироваться в мир в попытке разрушить условия, при которых протекало это возникновение. Добавим, что движение и историческое развитие может быть объяснено через диалектику идей (трансцендирующего элемента) и условий, которые есть в наличии (точка отталкивания): первые со временем после своего действительного воплощения переходят во вторые, затем процесс повторяется вновь и вновь [4, с. 25–27]. Однако следует заметить, следуя логике рассуждений Мангейма, что не только утопия трансцендентна бытию, – идеология тоже является не до конца включенной в бытие.

Четвертый код – критицизм. Ярко выраженным свойством утопий является ее радикальный критический потенциал и порыв. Отличительная черта критицизма – это его риторическая революционность. Но именно критическая составляющая делает утопическое мышление вполне модернизирующим в принципе. Утопия не самоотждественна, как это происходит в случае с идеологией. Последняя, тоже будучи трансцендентной, поддерживает легитимность действующего социального порядка. Содержание идеологии, как пишет Мангейм, искажается даже теми, кто совершенно чистосердечно ей следует и воплощает ее в жизнь [11, с. 166]. Тем не менее она обосновывает уклад реальности по трансцендентным лекалам, узаконивает его в форме некоего метапорядка [4, с. 27–28].

Перечисленные коды утопического мышления связаны между собой. Они позволяют прояснить тот «идеальный тип», концептуализацию которого мы даем. Так, мы можем различать, конституировать утопическое воображение и затем приступить к его социальному описанию и анализу, используя упомянутые теоретические ресурсы в дальнейшем.

Попробуем рассмотреть вышеизложенные коды в одноименном романе Томаса Мора. Роман проникнут идеалами ренессансного гуманизма, характерными для Англии в XV–XVI веках. Его полное название в русском переводе звучит так: «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» (1516 г.). Книга состоит из бесед между философствующим путешественником Рафаилом Гитлодеем, нидерландским гуманистом Пьером Эгидием и непосредственно самим Томасом Мором. В книге две части, из которых первая значительно меньше второй, но обе они логически связаны. Первая повествует об «идеологии» – это современное положение дел в Англии, ее общественно-политический порядок. Вторая часть раскрывает образ жизни людей, живущих, по мнению Рафаила, в идеальном государстве [13].

Рационализм мы обнаруживаем в идеализации острова Утопия в непосредственном авторском нарративе во второй и более развернутой части книги. У утопийцев немного законов, но все они действенны; жители здесь высоконравственны и не лишены понимания общественного блага. В государстве относятся с высоким почтением ко всякому труду, он приобретает здесь внутреннюю для человека необходимость. В то же время труд необычайно производитель и свободен. В общем и целом рисуется образ государства благоденствия, способствующего развитию человеческих талантов. Принципы справедливости и равенства здесь тотальны и являются системообразующими, их можно обнаружить практически во всех сферах жизни. Устройство острова наиболее правильное из всех существующих, по словам Рафаила: способ правления более разумный, народ процветает и вполне счастлив. Удовлетворяются все необходимые потребности граждан, распространены неаскетические идеалы без вредных и предосудительных излишеств. Философия утопийцев очень похожа на взгляды самих гуманистов того времени (к примеру, увлеченность жителей острова духовными и телесными наслаждениями – эпикурейскими удовольствиями), хотя их остров и «предельно далек» от тех реалий, где обитал сам Мор. Социальные факторы (дух той эпохи) наложили свой отпечаток на авторское воображение, повлияв на то, как он применил доступное знание в конструировании своей утопии. Мор был необычайно образованным человеком своего времени; идеи греческих и латинских авторов в сочетании с трудами отцов церкви стали тем субстратом его общей утопической идеи, которая продолжила традицию великих мыслителей прошлого.

Универсализм Утопии выражен в ее географических параметрах и политико-социальной морфологии острова. Это сам образ жизни местных жителей. Эксплицитной здесь является счастливая равномерность и одинаковость нравов, повсеместное соблюдение законов. В почете разные добродетели, миролюбие; частная собственность упразднена, нет денежного обращения, разрешается свобода вероисповедания, отсутствует милитаризм. Жесткого разделения на богатых и бедных нет, они не противопоставлены хоть сколько-нибудь резко. Показана ротация между городскими и сельскими, более богатыми и бедными жителями острова, их лояльность данному закону «перемены мест», действующему социальному лифту, уравнивающему жителей, – здесь налицо соединение этого кода с критическим взглядом на облик страны, в которой жил сам автор.

Трансцендирование мы находим в позиции центрального персонажа Рафаила Гитлодея по отношению к его жизненному миру. Это его пожелание сохранить философское мировоззрение, воздержавшись от услужения правителю и, не занимаясь государственными делами, сохранить правдивость и любовь к истинному положению вещей – тому, как он видит все «на самом деле». Иными словами, показывается дистанцирование повествователя от идеологии, которая распространяется властями.

Сами жители Утопии преуспевают в искусствах, терпимы и внимательны к «пришельцам». Они легко осваивают чужие культурные образцы, которые впоследствии ассимилируются у них и обогащают их культуру. Гармоничное развитие человеческой личности, которое превозносил Мор, завязано именно на таком способе существования. Интеллигенции в книге отводится руководящая роль, что довольно созвучно последующим взглядам Мангейма с его выдвинутой концепцией «свободно парящих интеллектуалов» [11, с. 673].

Критическая часть ярко сосредоточена в первой, более короткой части книги, где рисуется жизнь в современной автору Англии. Рафаил Гитлодей изображен в качестве опытного и весьма образованного мореплавателя, который, говоря современным языком, обладая культурным и символическим капиталом (говорящий «изящно» и «разумно»), не стремится на службу к деспотичным властителям, даже если ему это предлагают. Он говорит о том, что на службе очень легко впасть в царскую немилость и потерять очень многое, включая и собственную жизнь. Свободомыслие у советников правителя не поощряется. Правители увлечены войнами, забывая о благоденствии собственных земель, о бедствиях простого народа. Здесь же приводятся и критическое отношение Мора к войне, вкладываемое им в уста своего персонажа-повествователя, и замечания по поводу одинаково жестоких наказаний как за воровство, так и за убийство; жесткое осуждение смертной казни; осознание потенциальной преступности из-за расслоения между праздным богатым слоем населения и бедняками, вынужденными постоянно трудиться. Драгоценные вещи и металлы изображены как презренные, как то, что не представляет большой ценности и относится к злу. Присутствует гротескное, «обратное» изображение исторической реальности английского общества. Мор прибегает к подобной художественной критике в попытках искоренить стремление к роскоши и

жажду наживы. Общественная жизнь, которой присущ феодальный индивидуализм и злоупотребление частной собственностью, осуждается.

В заключение можно сказать, что мы попытались провести концептуализацию понятия утопии и связанного с ней мышления. Утопия может быть осмыслена либо как противоположность «действительности», либо как своего рода метафора для категории социального познания (концепта как такового). Следуя первому пути, мы выделили значимый ряд существенных конститутивных черт, по которым ее можно узнать и впоследствии более детально рассматривать. Предложенные в статье коды могут быть полезны при анализе утопических сочинений, позволяют увидеть определенный базисный ряд явлений, из которых конструируют утопию, в свою очередь, позволяя выделить ее как социально-философский феномен и как специфический литературный жанр.

Список литературы

1. *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. СПб. : Алетейя, 2000. 272 с.
2. Антология кинизма. М. : Наука, 1984. 400 с.
3. *Афинея* Пир мудрецов : в 2 т. М. : Наука, 2004–2010.
4. *Вахштайн В. С.* Архитектура утопического воображения: попытка концептуализации // Социология власти. 2014. № 4. С. 13–37.
5. *Вебер М.* Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
6. *Гесиод* Труды и дни // Эллинские поэты. М. : Ладомир, 1999. С. 50–68.
7. *Демин Р. Н.* Об одном возможном источнике утопии Алексарха (Уранополис и «Послезаконие» Филиппа Опунтского) // Утопические проекты в истории культуры: материалы II Всерос. (с междунар. уч.) науч. конф. «Утопические проекты в истории культуры» на тему «“Город Солнца”: в поисках идеального локуса». Р. н/Д; Таганрог : Изд-во Южного федерального университета, 2019. С. 188–189.
8. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. 2-е изд. М. : Мысль, 1986. 571 с.
9. *Долгих А. Ю.* Раннее христианство и средневековая философия. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. 336 с.
10. *Ксенофонт* Киропедия. М. : Ладомир – Наука, 1993. 334 с.
11. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1996. 700 с.
12. *Миллс Ч. Р.* Социологическое воображение. М. : NOTA BENE, 2001. 264 с.
13. *Мор Т.* Утопия // Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. М. : Правда, 1989. С. 19–130.
14. *Платон.* Государство // Платон. Сочинения : в 4 т. Т. 3. М. : Мысль, 1990–1994. С. 79–420.
15. *Страбон.* География. М. : Ладомир, 1994. 944 с.
16. Утопический социализм: Хрестоматия. М. : Политиздат, 1982. 512 с.
17. Фрагменты ранних стоиков : в 3 т. Т. 1. М. : «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1998–2010. 234 с.
18. *Штер Н.* Мир из знания // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 31–35.
19. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : РОССПЭН, 2004. 1056 с.
20. *Ямвлих.* Жизнь Пифагора. М. : Алетейя ; Новый Акрополь, 1998. 248 с.

Utopian imagination and cognitive style (based on Thomas More's "Utopia")

A. Yu. Dolgikh¹, A. S. Timshin²

¹PhD of Philos. Sciences, associate professor of the Department of cultural studies, sociology and philosophy, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: regis-iii@rambler.ru

²master student, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: notuaiz@gmail.com

Abstract. Utopianism may have existed as long as the human race. Works with more or less distinct utopian content are known since Ancient Greece (IV century BC). In phase of flourishing the genre penetrated after "Utopia" (1516) by British statesman (Lord Chancellor) Thomas More. At the same time, there was a division of this literary direction into two branches: artistic utopias with a plot and fictional characters and utopias in the form of treatises or political and economic programs. The main part of the article is devoted to the analysis of the cognitive style of utopia through the prism of Carl Mannheim's sociology of knowledge and Alfred Schutz's phenomenology. The main features of the utopian cognitive style, designated as special codes, are rationalism, universalism, transcendence and criticism. Rationalism in this case means the transformation of social life on the basis of reason alone and the elimination from it of the disorder and arbitrariness inherent in natural existence. The universalism of utopia is that it is not tied to any particular real space and time, but is thought of as a kind of social recipe for all time. The last two traits – criticism and transcendence – are closely

related to each other. Criticism is a skeptical attitude towards the present reality (as well as to the past experience of mankind), and transcendence implies going beyond it. All these features are clearly manifested in the first classic utopia of Thomas More, they are clearly visible in the utopias of later time.

Keywords: utopia, dystopia, rationalism, universalism, criticism, transcendence.

References

1. *Abels H. Interakciya, identichnost', prezentaciya* [Interaction, identity, presentation]. SPb. Alethea. 2000. 272 p.
2. *Antologiya kinizma* – Anthology of cynicism. M. Nauka. 1984. 400 p.
3. *Athenaeus Pir mudrecov : v 2 t.* [Feast of the wise : in 2 vols.] M. Nauka. 2004–2010.
4. *Wachstein V. S. Arhitektura utopicheskogo voobrazheniya: popytka konceptualizacii* [Architecture of utopian imagination: an attempt at conceptualization] // *Sociologiya vlasti* – Sociology of power. 2014. No. 4. Pp. 13–37.
5. *Weber M. Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. M. Progress. 1990. 808 p.
6. *Hesiod Trudy i dni* [Works and days] // *Ellinskie poety* – Hellenic poets. M. Lodomir. 1999. Pp. 50–68.
7. *Demin R. N. Ob odnom vozmozhnom istochnike utopii Aleksarha (Uranopolis i "Poslezakonie" Filippa Opuntskogo)* [On one possible source of alexarch's utopia (uranopolis and the "after-Law" of Philip Opuntsky)] // *Utopicheskie proekty v istorii kul'tury : materialy II Vseros. (s mezhdunar. uch.) nauch. konf. "Utopicheskie proekty v istorii kul'tury" na temu "Gorod Solnca": v poiskah ideal'nogo lokusa* – Utopian projects in the history of culture : materials of II all-Russia (with Intern. participation) scientific conf. "Utopian projects in the history of culture" on the theme "City of the Sun: in search of the ideal locus". Rostov-on-Don; Taganrog. Southern Federal University. 2019. Pp. 188–189.
8. *Diogenes of Laertes O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenityh filosofov. 2-e izd.* [On the life, teachings and sayings of famous philosophers]. 2nd publ. M. Mysl'. 1986. 571 p.
9. *Dolgih A. Yu. Rannee hristianstvo i srednevekovaya filosofiya* [Early Christianity and medieval philosophy]. Kirov. VyatSHU. 2012. 336 p.
10. *Xenophon Kiropediya* [Cyropedia]. M. Lodomir-Nauka. 1993. 334 p.
11. *Manheim K. Diagnostika nashego vremeni* [Diagnosis of our time]. M. Jurist. 1996. 700 p.
12. *Mills H. R. Sociologicheskoe voobrazhenie* [Sociological imagination]. M. NOTA BENE. 2001. 264 p.
13. *Mor T. Utopiya* [Utopia] // *Zarubezhnaya fantasticheskaya proza proshlykh vekov* – Foreign fantastic prose of the past centuries. M. Pravda. 1989. Pp. 19–130.
14. *Plato Gosudarstvo* [The State] // *Plato. Sochineniya : v 4 t. T. 3* [Works : in 4 vols. Vol. 3]. M. Mysl'. 1990–1994. Pp. 79–420.
15. *Strabo Geografiya* [Geography]. M. Lodomir. 1994. 944 p.
16. *Utopicheskij socialism : hrestomatiya* – Utopian socialism : textbook. M. Politizdat. 1982. 512 p.
17. *Fragmenty rannih stoikov : v 3 t. T. 1* – Fragments of the early Stoics: in 3 vols. Vol. 1. M. "Greco-Latin Cabinet" of Y. A. Shichalin. 1998–2010. 234 p.
18. *Shter N. Mir iz znaniya* [World of knowledge] // *Sociologicheskij zhurnal* – Sociological journal. 2002. No. 2. Pp. 31–35.
19. *Schutz A. Izbrannoe: Mir, svetyashchisya smyslom* [Selected works: A world glowing with meaning]. M. Rosspan. 2004. 1056 p.
20. *Iamblichus Zhizn' Pifagora* [Life of Pythagoras]. M. Aleteia; New Acropolis. 1998. 248 p.